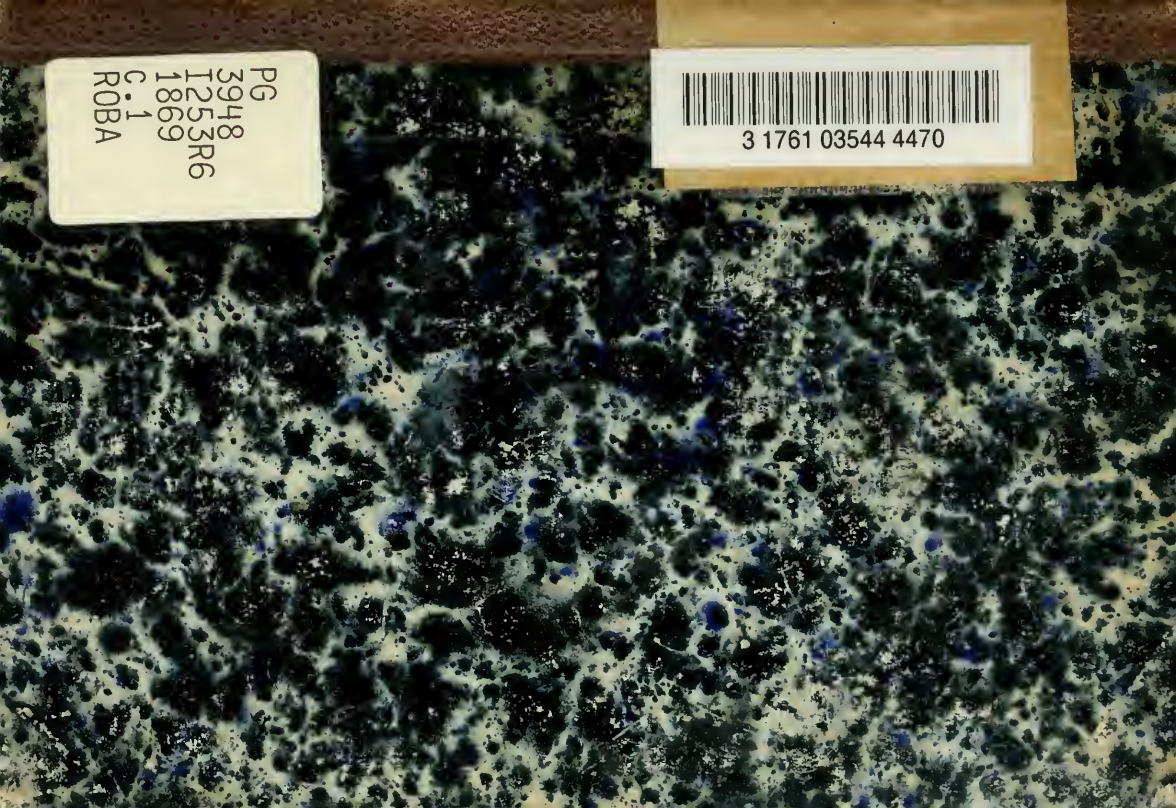

PG
3948
I253R6
1869
c.1
ROBA
3 1761 03544 4470

A „SLAVIE“

olku v Praze.

12.

Академическому читальному обществу въ Прагѣ.

Червонорослъ Иванъ Соневицкій

18 2/VIII 73.

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE.

Д 65 Д 29

Д 576

РОКСОЛЯНА

ПОЛИТИЧНО-ИСТОРИЧНАЯ

ДРАМА

L 65.

ВЪ ПЯТЬ ДѢЙСТВІЯХЪ,

оригинальное сочиненіе

Ъ. Ь. Ь.

AKADEMICKÁ KNIHOVNA V PRAZE

КОЛОМЫЯ.
Черенками Михаила И. Балоуса 1869.

А тота-жь-то Роксолянка,
Що-то трясла всходомъ,
Була наша попадянка
Зъ Рогатина родомъ.

Преданіе народне.

Лица дѣйствующія.

Лѣсовскій Іоаннъ, священникъ русскій въ Рогатинѣ, (въ Галичинѣ).
Анна, жена его.
Анастасія, донька ихъ.
Сопило, дякъ при церквѣ въ Рогатинѣ.
Гаська, служанца въ дому Лѣсовскихъ.
Староста Городскій.
Тыньскій Ернестъ, его сестрѣнецъ.
Устинцкій, езуитъ.
Оналиньскій, сенаторъ польскій.
Прикотилиха, зъумашедша жебрачка.
1. Татаръ.
2. Татаръ.
3. Татаръ.
Солиманъ, великій султанъ.
Великій везиръ.
Сенаторове польскій, евнухи, представителѣ народовъ турецкой державы, члены дывана, хоръ пѣвцевъ.

Дѣйствія происходятъ въ шестнацятомъ вѣку. — Первое дѣйствіе происходитъ въ огородѣ коло обыталища Лѣсовскихъ.— 2ое въ избѣ трибунала королевского въ Варшавѣ. — 3ое въ обыталищу Лѣсовскихъ, — 4ое въ степахъ кримскихъ, а 5ое въ палатахъ султаньскихъ въ Стамбулѣ. — Межи 1мъ и 2мъ дѣйствіемъ минає рокъ, межи 2мъ и 3мъ пôлъ року, межи 3. и 4. пôлъ року, межи 4. и 5. два роки.

ДѢЙСТВІЕ I.

Театръ представляе огородъ съ не многими деревцями овощными коло обыталища Лѣсовскихъ.

I.

Анастасія пôдлывае цвѣты, Гася поле грядку, Сопило затрудненъ очищеніемъ деревинъ.

Сопило (держитъ пилку въ рущ и спѣвае):

Ой банно ми товаришу,
Ой банно ми, банно,
Що про гаразду той не слышу,
Якій бувалъ давно:

Коли Галичь цвилъ прекрасно
Счастя чуднымъ цвѣтомъ,
Слава русска громогласно
Неслась Божимъ свѣтомъ.

А нынѣ мы бѣдолашній
Сумуемъ тоскуемъ:
На ôтцѣвскомъ грунтѣ, въ власнôй
Хатѣ коморуемъ.

(Очищая дерево) Бѣды есть достаткомъ, а гаразду нѣтъ. — Князь-градъ Галичь заваленый, корѣнь-рôдъ пониженый, въ церквѣ сумъ и мракъ: и чему-жъ-то такъ?! — Ось, се дерево, чому пыдѣе? Бо обросло вовками, що найлѣпшій соки зъ него вы-

сысаютъ. — Якъ оно може плодъ свой сотворити, коли его корѣнье обсѣли многіи вовчищî: они лютіи, роскошуютъ и дужѣютъ, а бѣдне дерево вяне, усыхае. — Но, коли я вовки повытинаю, мохъ не здалый позсуваю, и выгублю гидкіи червы, — стане деревце якъ лялька, що ажь мило буде на него глянути: и зродитъ рѣсніи, солодкіи дулѣ.

Анастасія (смотря въ сторону, съ переполохомъ).

Иде Прикотилиха! — То посланецъ несчастя.

II.

Прикотилиха (надшедше скоро, ловитъ Сопилу за руки).

Що робишъ навѣдженый Сопило?! — На що калѣчишъ дерево? (пôдкявши обтятое гиля, втыкае го назадъ въ деревину). Бодай ты знудился, — поôдкидивалъ що-найкрасше гильечко. (Вымахуе гилею на Сопила).

Сопило (уступая).

(до себе) Не буду противити-сь; — бѣдна кобѣта, зъ-умашедша жебрачка... (дае ей грôшь) На тобѣ, на! — Иди, иди съ Богомъ. —

Прикотилиха (до Анастасіи).

Бодай здоровî паннунця! — а якъ ся маютъ мамуня? —

Анастасія.

Ой, мамуня дуже хорй, (дае ей грôшь). Помолѣтся за здоровье.

Прикотилиха.

Чи чуете, якъ дзвонятъ? (загнувши руки, внуривши очи въ землю поступае зъ вôльна по сценѣ въ коло и спѣвае):

Ой, звонятъ-же звоны та по Рогатинѣ,
Ой, нестало мамы Настуни-дѣтинѣ.
Выкопали люди глубокую яму,
Засыпали добру Рогатиньску маму. —

(станувши передъ Анастасіею, съ дивнымъ усмѣхомъ): Дайте паннуицю хлѣбця кусокъ. — (Анастасія закрывши собѣ очи отходитъ до хаты).

Сопило (на сторонѣ).

Зло пророчествує, тай не добре буде. — — (до Прикотилихи) Та яка-жъ тя нужда тутки наднесла? Ты, Прикотилихо! за тобою всяке лихо котится. —

Прикотилиха (дерзко).

А ты, Сопило! не сопи: татарске просо молоти.

Сопило (на сторонѣ)

Буду татарске просо молотити... Ото, беззуба!

Гася (до Прикотилихи).

Не гнѣвайтеся матусю, но вы, ажъ страхъ —

якіи дивнй. На що говорити за похорони? Най наши вмость жіютъ, не вмираютъ. — По-що бесѣда така?! Страхъ! —

Прикотилиха.

А ты не будешь завше тутъ молоти; въ татарскихъ жорнахъ будешь молоти. —

Гася (до себе).

Буду въ татарскихъ жорнахъ молоти... но, дивѣтся — — страхъ! — (до Прикотилихи). Иди, иди огидна! бодай ты счезла съ бесѣдовъ твоевъ. Страхъ! (до себе) Е! Богъ лѣпшій! — — — (Анастасія повернувши зъ хаты заплакана дае Прикотилисъ кусень хлѣба).

Прикотилиха (до Анастасіи).

Чого плачешь, Настунцю?! — Смѣйся дѣтино! Зальоты — — наны... (погрозила ей пальцемъ. — Поступая знов въ коло якъ въ передъ, спѣвае):

Ой, ѣдутъ-дудняТъ довгіи конѣ,
Котятся по небѣ хмары червонй:
Рогатинъ-мѣсто страшно закурилось,
Моремъ христіяньекой кровы зальялось.
А въ Царгородѣ золотый базаръ,
На нѣмъ плаче бранцѣвъ десять тысящъ паръ;
Межe ними, якъ звѣзда
Настунця — панпунця.

Анастасія. (съ ужасомъ).

Господи змилуйся!

Прикотилиха (спѣвае далѣй).

Высокiи замки убранi перлами,
Зъ нихъ-то потрясае Настуня свѣтами:
У нôгъ ей стелятся царскiи вѣночки.

(до Анастасiи благально) Дайте пампунцю, дайте горѣлочки. (Анастасiя дае ей. грôшь, Прикотилиха ôтдаляеся).

III.

(Надходитъ) Лѣсовскiй (смотря за отходящею Прикотилихою, до Анастасiи)

Далась ей що?

Анастасiя (тревожно).

Ахъ. татку милый! най-же Богъ сохранитъ насъ ласкою своею.

Лѣсовскiй.

Духъ святый съ тобою! — Маешь розумъ ужасатись недорѣчностями бѣдной, зъ-умашедшой невѣсты?! — —

Анастасiя.

Она сама не вѣдае, що говоритъ, но я розумѣю страшну бесѣду ей. (со якаiемъ) Умруть мои мамка! —

Лѣсовскiй (тулитъ ю до себе).

Опамятайся дѣтино! —

Анастасія.

Прійдутъ Татары, спалятъ Рогатинъ, наберутъ множество бранцѣвъ, — возмутъ и мене съ собою.

Лѣсовскій.

Успокойся Настуню! то грѣхъ, отъ пустой бесѣды пророкати Божую волю. — Пôйди до хаты, кликала тя мати. (Анастасія ôтходитъ).

Лѣсовскій (до Сопила).

Пôйди за Настуневъ, поможи ей вывести маму до городця. — (Сопило ôтходитъ).

IV.

Лѣсовскій (подае листъ Гасѣ).

Ото, Гасю! сей листъ ôтнеси на Пôдгородье, до Отца Евзебія, — а бѣган скоро. (Гася ôтходитъ съ листомъ) Ой такъ! ôтъ колыски до гроба гонитъ смерть за нами, тай мы все бôльше и бôльше до ней ся сближаемъ. — Смерть изъядаетъ всякого земнородного. — — (воздвигъ руки) Но, Господи Боже! кобы-сь ми при житю удержалъ мою Анну. — Не лишай мене еще сиротою. — Но да будетъ воля Твоя, яко на небеси, тако и на земли.

V.

(Анастасія и Сопило вводятъ хорую Анну).

Анна.

Отъ тутъ, пôдъ тое деревце посадѣтъ миня. (у-

сѣвши) Дерево сіе насадиламъ тогды, коли обнималамъ господарство сіе. Дерево красне, зелене, — — а я увядаю. — (до Лѣсовского). Чи нѣслалисьте по Отца Евзебія?...

Лѣсовскій (горестно).

Ой, нѣславъемъ, — нѣславъемъ! —

Анна.

То добре. — — Еще не зайде сонце тое, а зайде вже свѣтъ очей моихъ. Сонце зѣйде завтра красне — веселе, но мои очи не узрятъ его, — ой, не узрятъ го бѣльше! — — —

Сопило (тронутый).

Ей! не кажетъ того. — Богъ дасть, що будете здоровѣ. — чей подужѣете. — — .

Анна.

Трохи ми лекше стало бтдыхати, — но я есмь дуже слабая, чую, що буду уже умирати. — Послухайте мою послѣдню волю: Дванайцять священниковъ нехай мня ховаютъ, а весь най соборну Службу отправляютъ. — Що року будете за мою душу обѣдню справляти. а Настуня меже убогихъ по пять мѣръ полотна розкрас. — Такъ — то вже все. — Але, правда... отъ булабымъ забула... такамъ слаба дуже. — (до Лѣсовского) Перекажнте до Собѣньскихъ, що имъ ихъ крывдъ не памятаю, — най имъ и Господь не памятае. — Всё имъ дарую. — —

Лѣсовскій.

А, пôдсамбôрскій хуторъ имъ также даруешъ?...

Анна.

Нѣтъ, не дарую. — А съ чимъ-же лишила быся моя дѣтина?! (до Анастасіи) Не плачъ Настуню такъ гôрко, таже менѣ конче разъ умерти треба. — (до Лѣсовского) Не тôлько Пôдсамбôрскій хуторъ имъ не дарую, але и тіи три села, которі не правымъ способомъ ôдъ насъ ôдобрали, и сами посѣли, тіи имъ также не дарую. — И за тіи маете правотитися, маете ôдôбрати. — О! бо-то цѣлкомъ несправедливо намъ тіи добра ôдобрано и ворогамъ нашимъ падано. — Собѣньскіи сложили неславу на моего ôтця, якобы мавъ смову съ Татарами. Але то не правда; — все тое дѣялось зъ намовы латиньскихъ монахôвъ, бо мали злôсть на ôтця мого за тое, же не хотѣлъ ôтступити ôтъ православія. — Такимъ-то не гôднымъ способомъ дуже многимъ родинамъ рускимъ маетности пôдбирано и безстыднымъ клеветникамъ въ посѣданье ôтдано. — Коли мôй отецъ будучи вже чтыры роки запертый въ темницы занепалъ на силахъ, и чулся вже блискимъ смерти, закликалъ мня до себе, и говорилъ до мене: „Ото умираю въ безчестію, но цѣлкомъ не винно. Мучатъ мня, якъ и многихъ Русинôвъ иныхъ, но со всѣмъ за дармо. — Въ тôмъ вся вина моя, що не хочу зречися святои вѣры православнои. — Въ той святôй вѣрѣ я родился, въ той умираю, тай по

смерти въ нѣй Бога хвалити желаю. — А, и ты, Анно! не покидайся ôтцѣвскои вѣры, того пресвѣтлѣйшого бисиря народности нашои.“ — Тôлько сказавши ôтдалъ Богу духа свого. — Сохранилъмъ вѣрно завѣщанье тое, — а и ты, Настуню! едина дѣтино моя, припречи ми теперь торжественно, що не выречешся православноѝ вѣры николи, для никого, навѣть и для царя самого. —

Анастасія (уклякая передъ Анною).

Прирѣкаю — присягаю! —

Анна (цѣлуе Анастасію).

Дякую ти за любовь твою. (возлагая руки на головѣ Анастасіи) Господи! благослови дѣтину мою! (молится тихо). —

Сопило (на сторонѣ)

О, святая душе! просто возлетишь до неба. — Такъ, то правда: Православная вѣра, то найдорожшій бисиръ народности нашои; доки нашь нарôдъ придержуеся святого православія, доты не загине имя руске, и дасть Богъ, перетревавши гоненія завзатыхъ ворогôвъ свонхъ, дôбьеся лутшои долѣ и возсіяе давною славою, якъ сонце по всему міру!

Анна.

Ôтведѣть мня до хаты. — (Лѣсовскій и Сопило ôтводять ю) Ахъ! кобы-жъ то не бавилъ ся Отецъ Звѣбій! —

VI.

Анастасія (самая плаче-рыдае).

Бѣдна я сирôтка, бѣдна ся лишаю
Но нѣмилыной мамъ, но своей рôдненькôй.
Гôркими слёзами личко умываю.
Тяжка туга тронтъ вѣкъ мôй молоденькій.
Ахъ! мати жь ты моя! чёму-жь мня кидаешь.
Якъ листъ трепетовый на волны Дуная,
Чи жь ты зъ мене мамко! лиху доню маешь,
Чи-жь я тя не люблю?! — О! я несчасная!

(Заслона спадае).

Конецъ дѣйствія первого.

ДѢЙСТВІЕ II.

Театръ представляетъ судовную избу королевского трибунала въ Варшавѣ.

I.

Тынъскій (самъ).

Уже сближаеся, славити Бога, тая година, коли злочестивыми коварствами утѣснена невинность, а чейже отъискае снова свою правду. — О, Господи! поможи ми хитрого монаха побѣдити нинѣ, — що завзялся неповредимо сохранити вѣнецъ зъ самыхъ богомерзскихъ цвѣтовъ сплетеный, которымъ увѣнчала, якобы безстыдная блудница, горѣносимую голову свою гордая злоба. — Воистину, цпромыслящему отечестволюбцу, вѣрующому въ неминуемое воздаяніе непремѣнно справедливого суда Божого, приходится только съ ужасомъ взирати въ будущность народа и державы, котора на такъ страшно великихъ кривдахъ цѣлого, весьма достойного народа-побратима въ многогрѣшной минувшости своей клала великаньскій основанія огромной силы и значенія теперѣшнего состоянія своего. — Цвите яблонь

роскошно насаджена на шкаралупѣ кипячого сподомъ асфалда, — но кто-жъ вѣдае, чи не бухне въ скорѣ, и не пожре ю огонь неугасимый! — — Но, одверни очи отъ сумного дивогляда, которого огромнымъ валомъ котящомуся исходу поставити таму нѣтъ возможности ни силы, ни мудрости поодинокого человѣка; — смотри, посредь страждущой невинности взносится пстина лилія, прекрасна Настуня! — О! якъ-же то мило буде серцю мому въ тыхъ небеснымъ огнемъ палаючихъ очахъ читати искренную вдячность за едѣланую добру услугу. — Господи! поможи ми побѣдити нинѣ гидру-черноризца. — (чути стуканье до дверей). Кто-то стукае въ двери. — Невно то онъ... предчувствую. — Свободно въити! —

II.

Устницкій.

О, витай ми найдостойнѣйшій сыну прелюбезного друга и препзрядного добродѣя моего, покойного Себастіяна! — Хотяй лихая судьба ставитъ насъ днесь въ тôй высокôй палатѣ завзятыми собѣ противниками, то однако-жъ най ми буде свободно выразити мою сердечную любовъ и высокое почитаніе, якимъ преисполняю-сь ко тебѣ дорогій мой Ернесте! — Изволь ся устискати и уцѣлувати. — (обнимаются).

Тыньскій.

И я люблю и почитаю васъ, отче, но любилъ бымъ и почиталъ еще бôльше, кобысьте завилыми

крутарствами не препятетвовали изъйти верхомъ чистой справы моей. —

Устиицкій.

Жаль ми тя дуже, милый мôй Ернесте, що приялъесься за дѣло, которое жадною мѣрою желаемымъ успѣхомъ вѣнчати-сь не може. —

Тыньскій.

А я однакожь вѣрую и надѣюсь инакше.

Устиицкій.

Простительный грѣхъ блуднои вѣры и плохои надежды твоеи! — тай молодôсть твоя дае тобѣ право безсоромно смотрѣти на свѣтъ по уничтоженью вѣри твоей въ побѣду слушности, по заведенью благихъ надѣй тюнхъ на щасливый исходъ чистои справы; тому-то нестанеся тобѣ нйчъ злого, хотяй и упадешъ нынѣ пôдъ силою и напоромъ тяжелыхъ обстоятельствъ, недозваляючихъ выйти зъ-пôдъ воды гусцѣ, котору разъ махина политическая глубоко-глубоко занурила. — Не стане ти ся нйчъ злого, мой Ернесте, — перейдешь школу, въ которой научишся благоразумія многополезного по вся дни житя твоего. — Отъ-такъ, изволь собѣ ôдъ друга сказати, що веденый чистою благородностію и неиспорченныъ смысломъ праведности, неозважно удалъесь ся якъ-то каже-сь, въ не свою рѣчъ, котора за всѣ труды и усилія только терпкимъ розчарованьёмъ нагородити тя може. — Ото, видишъ, тая стѣна бѣ-

ла. — Бѣла? — А коли высшіи интересы пособствующій всеобщое благо державы и ей вѣры, того вымагалибы, щобъ тая стѣна чорна была; тогда всѣ суды, всѣ высокіи и найвыстіи трибуналы изрекутъ, яко есть чорна, — — и буде тото неправда, що виднишъ живыми очима твоими, хотяйбысь ты и розбилъ голову твою о бѣлую оную. — — Ото, прійми отъ мене тую одну науку. — До того еще, — я, маючи на серцю дорогое ми добро твое, не допущу николи щобы Анастасія Лѣсовска прійшла за твоимъ заходомъ въ посѣданье дѣдичныхъ добръ своихъ. —

Тыньскій.

Дивоглядная рѣчъ ваша не чудуе мня много, бо яке дерево такій клинъ, якій камѣнъ, такій млынъ. — Могла разъ рѣчпосполита наша невинныхъ и сопокойныхъ сограждапъ своихъ ужасно покривдити и ограбити, то вже-жъ и може со супокойнѣйшимъ сумлѣньёмъ покривдженыхъ и ограбленыхъ въ несчасномъ ихъ состоянію лишити: но послѣди сказаное вами дотикаючеся особистости моей заинтересовало мня въ такой мѣрѣ, що я прошу, розтолкуйте ся яснѣйше.

Устницкій.

Готовъ на услуги твои, скажу ти коротко: я все знаю, що ся съ тобовъ дѣе. — На тое, мой друже, ношу чорныи рызы, щобы тѣмъ бѣлѣйшимъ явилъ ми ся свѣтъ сей; на тое высокій коліеръ

затыкае уши, щобымъ тѣмъ выразнѣйше чулъ все, що ся тайно шепче; на тое каптуръ сей закрывае очи, щобымъ тѣмъ яснѣйше видѣлъ все тое, що ся въ скритости дѣе. — Серце твое маю на долони. Знакома ми приклоннôсть твоя ко Настцѣ, но не дôжде она того, щобы съпстилися нерозумніи бажаня вашî. — Ты съ нею женитися не можешь.

Тыньскій (спокойно).

Ого! прошу? — —

Устницкій.

Ты сынъ славного Себастіяна, членъ однои зъ найзнаменитшихъ родинъ рѣчипосполитой мавъ бысь ся законновѣнчати съ попадянкою?! —

Тыньскій.

Съ потомкомъ честнои родины, съ дѣдичкою знакомитыхъ волостей....

Устницкій.

Съ яснѣ панею всѣхъ замкôвъ воздушныхъ! —

Тыньскій

Покаже ся нынѣ...

Устницкій.

А хотяйбы.... то всегда право освященное традиціями родинными недôзваляе тобѣ взяти жену отъ еретицкого исповѣданія. —

Тыньскій

Серце мае свое право зносящое всякій тамы нерозумныхъ традицій. — Съ рештовъ кто-жъ утверджати може, що Анастасія пріймаюча мня за мужа не пріймe и святои вѣры моей?!...

Устиицкій.

Не пріймe! — —

Тыньскій,

На певно?!

Устиицкій.

Не зломное шизматицкое упорство. —

Тыньскій.

Не мыслю конечно уничтожати святостей ея.

Устиицкій.

Не достоитъ тобѣ жадною мѣрою нерозважно самому въ слабонькой лодцы пускатпся на бурливе море съниженое самыми ужасными волнами, тамъ-бо неминуемо жде тя марная погибель. — Смотри молодче! куда поведе тя нерозсудный запалъ юности твоей: Если возьмешъ собѣ жену отъ пониженого народа, ще до того православну, сганьбишъ непорочне имя Тыньскихъ, выречеся тебе вся дорога родина твоя, золлье ся тя горячею струею погорда всеи шляхты, котора ти безъ устанка найрозличнѣйшіи накости дѣяти буде; рѣчъ посполита вымаже тя съ

числа достойниковъ своихъ, и не прійме отъ тебе жадныхъ услугъ обывательскихъ, а церковъ каѳолическа откаже тобѣ благословенъства своего. — (Тиньскій задумался) Но не конецъ лиху.... и душу твою выставляешъ на небезпеченьство заразитися отрусю ереси Фоціушовои и утрату спасенія вѣчного. А то тому и надъ тымъ тобѣ застановитися подобае, чи зъумѣешъ ты мужеское достоинство неповредимо сохранити противу твоси Настцѣ, — кажу, чи схоче горда шизматичка поважати тя поважаніемъ, якое належитъ отъ невѣсти мужеви своему, коли она не мае жадноп чести для святой вѣры твоеи? — Ото-жъ самъ понимешъ ясно, що-то не простительною недорѣчностію былобы, за-для хвилевыхъ радостей выставляти цѣлого себе съ тѣломъ душею на срамотную нужду и погибель. — — (съ дружескимъ умиленіемъ) Послухай мня брате! не преодѣвайся ризою, котору подае ти твоя Діанѣра, — кинь дурніи папери въ ящурчіи очи, и замѣняй облестную русалку Настку Лѣсовску, за ясноволосую польку Кунегунду Собѣньску.

Тыньскій (на сторонѣ)

Огидный! —

Устинцкій.

Котора готова отдати тобѣ руку свою. (съ усмѣхомъ) Таже то красше буде, коли заграютъ благозвучнѣ органы: „Veni creator,“ якъ коли піяне дячище зареве (спѣвае гидко подражая) „блаженныи вси,“

що по нашему вѣдай значитъ: блазны тіи всѣ, що беруть собѣ рускіи жены. — Ха! ха! ха!

Тыньскій (смотря на Устинцкого съ погордою)

У мене „блаженый“ значитъ: счастливый!

III.

(Побочными дверьми входятъ Опалиньскій съ многими сенаторами и съ двома писарями. Всѣ усѣдаютъ на свои мѣстця).

Опалиньскій (пересмотряючи акта).

Изъ вложеныхъ до актôвъ здѣшного трибунала достовѣрныхъ и правосильныхъ документовъ оказываеся незаперечимо, що Анастасія, донька благочестивого Іоана Лѣсовского и законной жены его Анны Щадицкой есть внукою Андрея Щадицкого, бывшого посѣдателя трёхъ знакомитыхъ волостей на Червоной Руси, именно: Старои Слободы, Благобытова и Честобылова съ Пôдсамборскимъ хуторомъ, помершого въ вязницѣ передъ двайцять роками. — Дальше оказуеся, що единою наслѣдницею всѣхъ правъ до всякихъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній по Андрею Щадицкимъ есть речена Анастасія, которой шляхетный Доминикъ Собѣньскій, настоящій посѣдатель реченыхъ мастностей, не могучій правосильно оправдати титула посѣданія своего, часть помянутои волости отдати долженъ.

Устинцкій.

Въ имени шляхетного пана Думиника Собѣнь-

ского протестую торжественно противу такому рѣшенію высского трибунала изъявляючи, що шляхетный Думинкъ Собѣньскій пріѣшовъ въ посѣданіе волостей, бывшихъ власностію покойного Андрея Щадицкого цѣлкомъ правымъ способомъ, яко delator тогоже передъ судомъ городскимъ за головну здраду по причинѣ смовы его съ Татарами contra salutem reipublicae, — изъ которого то обвиненія невыведши ся, померъ помянутый Щадицкій.

(Входятъ еще бо́льше сенаторо́въ мирскихъ и духовныхъ, которіи усѣвши на свои мѣстца съ увагою прислухиваются. — Являеся также и публичность на галеріи, котра рѣчь Тышьского сопровождае съ удовольствіемъ и рукоплесканьемъ, а рѣчь Устицкого съ негодованіемъ и шумомъ).

Тышьскій.

Покойный Андрей Щадицкій, якъ свѣдчатъ предлежащіи акта дотычного городского суда, до послѣдного издыханія своего не призналъ ся до закиненои му зброднѣ стана, и взывалъ тщетно по тысящъ разовъ делятора свого, щобы хоть чѣмъ найменчимъ доказалъ му мнимои провины. Понеже панъ Собѣньскій ани за живота, ани по смерти его, даже до нынѣшного дня не былъ въ состоянію въ той мѣрѣ найменчого навѣть доказательства поставити; тожь поминувши уже тое, що въ благоустроенной державѣ не отвѣчаютъ дѣти, а тѣмъ менче внуки, за доказаніи даже провины предковъ своихъ; всякая слушность вымагае, щобы Анастасіи Лѣсовскои назадъ привернены были безсовѣстными нападниками заграбленіи добра земскій. (Публика гром. рукоплеск.)

Опалиньскій.

Очевидно!

Устницкій.

Благополезная практика минувшости, по котрой всякои похвалы достойныи ревнители розширенія единоспасительной вѣры каѳолической, повсемѣстно на Червоний Руси ex licentia tacita civitatis ругаючи per fas nefas зъ посѣданій земскихъ мерзкихъ шизматиковъ, и очищаючи тымъ дѣломъ обширніи провинціи рускі [illegible] яко около блага всеобщого добрѣ заслужившіи ся сыны рѣчипосполитой надѣляныи были заграбленными у вспôмненыхъ шизматиковъ маетками, если ограбленый не далъ ся тымъ единопринудительнымъ средствомъ навернути на латиньскую вѣру, — тая, якъ мовю многополезная практика заслугуе на вдячное увзглядненіе и полное узнаніе отечества, и не повинна потомность разрушати тое, що минувшôсть во благо отечества устроила. — Отожь утверджаю, що, коли покойный Андрей Щадицкій не далъ ся крестити на латиньску вѣру, тожь и утратилъ вразъ со потомствомъ своимъ всякое право до давныхъ посѣлостей своихъ, а шляхѐтный панъ Собѣньскій мае ненарушимо позоставитися въ посѣданію всего того, чого, дѣлаючи такъ честно во благо рѣчипосполитой и си надобнои любимици римско-каѳолицкои вѣры, дозволенымъ, цѣлкомъ слушнымъ и душеспасительнымъ способомъ доробился. — (Публика: шумъ).

Тыньскій.

Не знаходимо въ сводахъ списаныхъ завѣдомствомъ рѣчипосполитой такого бисурманьского, всякую якую-будь культурою славящуюся державу невыносимо ганьбящого права, о якомъ отецъ Устицкій вспоминае; отожь тая, такъ зовима, благополезна практика была и есть самымъ найужаснѣйшимъ безправіемъ, которую за добре узнати и въ силѣ удержати жадною мѣрою намъ невыпадае, маючимъ должность святую исправити мыльныи путы сфанатизованыхъ предковъ нашихъ, особливо же, коли щастливо царствуючій намъ всемилостивѣйшій король нашь всеторжественнѣйше запоручилъ свободу вѣроисповѣданья православного. (Публ. плещ.)

Опалиньскій.

Господине Тыньскій, масте слушность! (до писаря) Пишетъ, прошу: Признаеся Анастасіи Лѣсовскои право дѣдицтва до всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній по Андрею Щадицкимъ со всѣми льготами и выгодами своими. (складае акта на купу). (Публика: веселость и рукопл.)

IV.

Устицкій.

Протестую! — манифестуюся! — непозваляю! якъемъ шляхтичъ польскій, непозваляю!

Тыньскій (затираючи долонѣ)

Не псуйте си горла, не псуйте!

Устинцкій.

Veto — непозваляю! (Публика: шумъ и свистъ).

Опалинъскій (спокойно).

Рѣшеніе запало! — (подвизается, а съ нимъ всѣ сенаторы).

Устинцкій (покорно).

Прошу о слово! — Рѣшеніе запало, и моя ничтожность не въ силѣ тое измѣнити. — Благаю всесмиреннѣйше о маленькій додаточокъ, — малѣсенькій незначительный, но огромной доносности для блага державы и вѣры. (Сенаторы задержуются). Непозваляю! яко есмь вѣрный слуга и щирый другъ славной рѣчипосполитой, непозваляю! и жадаю, щобы Собѣньскій остался въ супокойномъ посѣданію честно и правно набутыхъ добръ своихъ, (сенаторы съ негодованіемъ повстали съ предвзятіемъ опустити комнату; Устинцкій упрѣвъ отъ страха. — Публика смѣхъ и шумъ). Прошу задержатися, прошу-домагаюся! въ имени права домагаюся, выслухати рѣчи моей. (Публика: най говоритъ, най говоритъ! — Сенаторы остановляются). Ото додатокъ: доки Анастасія невыречеся православной вѣры своей. (отерае потъ зъ лица).

Опалинъскій.

То рѣчь сумлѣня, тутъ не належитъ.

Устинцкій (добитно).

Належитъ! — Высокій трибуналъ да изволитъ

розважити, якіи злосчастніи, цѣлое отечество наше и всю католицкую вѣру до основаній разрушающіи послѣдствія выникнути мусѣлибъ изъ того, еслибы Настцѣ Лѣсовской, въ проклятой шизмѣ зôстаючôй ôтданî зôстали добра по ей дѣду Андрею Щадицкимъ. Ото, вступѣтъ вы пресвѣтлыи сенаторове варшавскіи на Червоную Русь, — и щожь тамъ знайдете? — Ото знайдете огромную большôсть панôвъ бôльшихъ и меньшихъ внійшовшихъ въ посѣданье земель такимъ самымъ способомъ и правомъ, якъ шляхетный Доминикъ Собѣньскій, а потомкôвъ давныхъ еретиковъ, (сенаторы где-якî усѣдаютъ) такъ само якъ ихъ предки запеченыхъ шизматиковъ, знайдете сово купленыхъ около балвохвалчихъ престолôвъ въ спорохнѣлихъ божницяхъ своихъ, дишущихъ самымъ огнемъ ненависти ко дорогому отечеству нашему и святой единоспасительной вѣрѣ католицкой.

Опалиньскій (усѣдаючи, цѣкаво).

Чи то зôправды тіи такъ зовиміи православныи на Руси суть балвохвалцями ненавидящими все наше?

Тыньскій.

Не вѣрте пресвѣтлыи панове сенаторове!

Устницкій.

Вашое слово, пане Тыньскій, яко hominis laici, не буде никогда въ состояніи in sacris уничтожити убѣжденій моихъ пріобрѣтеныхъ основною наукою и досвѣченьемъ in rebus religiosis. — — А-якъ-же,

суть балвохвалцями, бо покланяются царевн, вѣруютъ въ царя, яко въ Бога, до царя ся молятъ рано и вечерь, всякое набоженьство свое молитвою до царя начинаютъ, отъ царя, яко отъ Бога надѣются спасенія душь и тѣлесъ своихъ. Томужъ то и не диво, що будучи всею душею ~~враждебному~~ намъ царатови предани, стаются мимоволѣ по ложнымъ понятіямъ религійнымъ своимъ завзятыми противниками вѣры католицкои и опасными ворогами пресвѣтлои короны польскои.

Тыньскій (съ унисеніемъ).

То ложь, — все, клевета огидна!

Устницкій.

Прошу неперерывати такъ неприличнымъ способомъ рѣчи моей въ оборонѣ найдоросшихъ интересовъ короны и вѣры. — Ото-жъ ôтдайте, веденй ложными, заразою протестантизма выплекаными понятіями о достоинствѣ, римскою церквою торжественно выклятои, толеранціи религійнои одиôй Настцѣ, непринудивши ею до принятія вѣры католицкой правомъ дѣдицтва спадаючій на нію добра, а тогды per consequentiam, будете принужденй признати полное право до возвращенія ся всѣмъ подобнымъ ей шизматикамъ въ посѣданія давныи предкôвъ своихъ, а есть ихъ, якъ сказалъемъ, тьма-тьменна. — Пытаю-сь теперка, чи дасть ся огромное число beatorum possessorum голымъ словомъ высокого трибунала изгнати отъ настоящихъ посѣлостей своихъ? — Чи не по-

встане противъ таковимъ выракамъ in massa почти вся польска шляхта на Руси? — Чи буде тогда въ состоянію правительство наше впровадити въ сущность необачніи выроки вашй, когда возгоритъ ужасна вôйна домова, коли настакутъ безчисленніи взаимныи наъзды, жестокіи ругования и страшное пролятіе крови обывательской? — Чи не наступитъ тогда разрушеніе всего, такъ многими жертвами минувшости благоутвержденого порядка гражданьского и совершенное уничтоженіе всѣхъ существующихъ соціяльныхъ стосункôвъ цѣлои злощастнои провинціи? — А єсли-бы и удалося въ конецъ правительству впровадити новіи порядки, то щожь зыскалабы на тôмъ дорогая рѣчь посполита наша? — Сто: богомерзкая шизма вознесе гордо голову свою, варварскій царизмъ возторжествуе надъ святою вѣрою нашою, и цѣла велика провинціяôтчужится высокой культурѣ запада на всегда. (Сенаторы духовного стана помрачаютъ лица свои, и бесѣдуютъ живо съ собою). Ото-жь заклинаю васъ пресвѣтліи и яснѣвельможніи панове сенаторове! вашею искренною любовію ко святой коронѣ польской, розважте добре и всесторонно, чи благорозсудно то буде, если въ декретѣ вашомъ не положите выразного застереженія и конечного условія того, щобы Настя Лѣсовска не ôбстала впровадженою въ посѣданье признаныхъ ей ґôбръ, доки не выречеся православного діявола, со всею гордостію и студомъ его.

Тыньскій.

Я перечу, щобы тое, що говорилъ отецъ Устницкій было самою несумнѣнною правдою, — а хотяйбы и было, то однакожь высокій трибуналъ не долженъ вязатися можливыми послѣдствіями справедливого вырока свого, особливо-же днесь, коли полная свобода и всѣ преждніи права исповѣданію православному высокою рѣчипосполитою назадъ приверненіи, и торжественно запорученіи милостивѣйшимъ королемъ нашимъ. — Я протестую противъ всякимъ застереженіямъ и конечнымъ условіямъ могучимъ Анастасіи Лѣсовской припятствовати восползоватися разъ уже признанымъ еи правомъ. — Угождаючи требованіямъ отца Устницкого облеклъ бы ся высокій трибуналъ властямъ судебнымъ неприличною тѣнею трусливости, когда ему, яко такому, безвзглядно придерживатися подобае стисло своеи засады: Perea mundus, fiat justitia! (Публика: Славно! славно!)

Устницкій (перебывае).

Fiat injustitia levis, fructifero beatissimoque eventu justificata! (прелестно) Чего такъ сильно операешся мôй друже,

1. голосъ сенатора.

Justitia!

Устницкій.

благому условію тому, которымъ неотмѣнно снискаеся заблужденая душа наймилѣйшои голубицы твоеи для единоспасительнои вѣры?!

2. голосъ.

Балвохвальство!

Устницкій.

Чи жь тобѣ, благородный молодче, не рôвно дорога есть душа Анастасіи,

3. голосъ.

Царатъ!

Устницкій.

якъ и ся прилестное тѣло? Чи-жъ тымъ малѣсенькимъ устунствомъ не варто окунити собѣ полноту счастя и поважанія обывательского?

4. голосъ.

Justitia! (Публика: Justitia! justitia!)

Устницкій.

Помѣркуй самъ, чи не говоритъ устами моими самая найвзнеслѣйшая идея христіяньства католицкого,

5. голосъ.

Домовая вôйна.

Устницкій.

желающого всѣми можливыми способами угрунтовати щастье и благобытіе всѣхъ державъ, народовъ, семействъ и людей поодинокихъ?

6. голосъ.

Justitia!

Устинцкій.

Подай, дорогій Ернестъ, дружескую руку старому другови покойного Себастіяна,

7. голосъ.

Страшное пролитіе крови!

Устинцкій.

и погодѣмся на обупо́льный пожитокъ, на славу отечества;

8. голосъ.

Pereat mundus.

Устинцкій.

на пользу святои вѣры,

9. голосъ.

Варваризмъ азіятицкій!

Устинцкій.

на всеобщое благо польского гражданьства!

10. голосъ.

Разрушеніе!

(Сенаторы живо съ собою розмавляютъ).

Устинцкій (заплакался).

Заклинаю тя тѣнями святими найдоросшого отца твоего, згодися на предложеніе мое!

Опалѣньскій.

Fiat justitia!

Тыньскій (до сенаторовъ).

Здаюся на высокую мудрость пресвѣтлѣйшихъ сенаторовъ нашихъ! —

Опалиньскій

(вынявши зъ вазы бѣлую галушку, подае вазу сенаторамъ).

Прошу льосовати!

Устицкій.

Со слезами молю васъ, яснѣвельможніи и пресвѣтлѣйшіи панове сенаторове, не откидайте предложенія моего. Videant consules, ne quid respublica detrimenti capiat! — (Сенаторы скинули свои галушки до особои вазы).

Опалиньскій (смотрячи въ вазу, съ несмакомъ).

Побѣдила судьба чорная! (до писаря) Доложѣтъ прошу: Если перейде на лоно католицкои вѣры. (съ неудовольствіемъ опускае салю, не попращавшися съ сенаторами; за нимъ отходятъ сумніи всѣ сенаторы, писари и Тыньскій).

VI.

Устицкій (самъ, скаче отъ радости).

Vicisti sodalis! Ликуй нынѣ и весели ся сзуитскій Сіоне! гора святая и неподвижимая, яко зелѣзное верховладычество твое надъ золотою волею славящеюся республикою и на даль остало непоколебимо. —

Ха! ха! ха! о якъ-же то солодко усмѣхнутись по источенью гôркихъ слезъ глубокого смутка и огромного страха! — Горою, горою, єзуитскй орлы! — А ты побожна душе, любый сыну Думшшку! жій сто лѣтъ щастливо, доки ажь умираючой матери своей присягавшая Настя не выречеся православной вѣры. Ха! ха! ха!

(Заслона спадае).

Конецъ Иго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ III.

Театръ представляе комнату въ обыталищу Лѣсовского.

1.

Столъ закрытый стравами, коло котрого сѣдитъ староста городскій Лѣсовскій и Тыньскій съ Анастасіею розмавляючій живо съ собою. Коли староста поживаючи отъ стравъ нічого не говоритъ, чути, що Тыньскій съ Анастасіею бесѣдуе.

Лѣсовскій.

Прошу, живѣтся вельможный пане старосто!

Староста (сягае по кусень печенѣ).

Признаюся, що вже отъ якогось часу жадного апетита не маю.

Анастасія.

Острожно съ серцемъ, острожно!

Тыньскій.

Серцю розказати трудно, оно свою волю мае.

Анастасія.

И розуму такіе слухати повинно.

Староста (сягає по другій кусень).

Ой! такъ, жадного апетита не маю.

Тыньскій.

Чи ваше серце завше бье однако?

Анастасія.

Не чую, щобы ми ся коли серце было. А, що ми до того, най си бье якъ хоче.

Тыньскій.

Серце мое теперь летитъ въ чваль.

Анастасія.

Держъть го, держъть го, щобы вамъ не втекло.

Тыньскій

То вашіи очи тому виноватї. — (Анастасія закрыла собѣ очи, Тыньскій ловитъ ю за руку и притягае тыжже до устъ своихъ).

Староста.

Давнѣйше переѣдалъ-емъ и перепивалъ-емъ самого ксьендза пшеора,

Анастасія (скоро оттягая руку).

Чи чуете: ксьендза пшеора? (грозитъ му пальцемъ).

Староста.

Теперь за малу дѣтину не могу ѣсти.

Тыньскій (цъкаво).

А щожъ-то кеьендзъ шпеоръ?

Староста.

Анй 'ѣсти, — (сягае за стаканъ вина).

Анастасія.

За таки рѣчи читае патерностеръ.

Староста (выпивши).

Анй пити. (сягае за кусень барана).

Тыньскій.

Патерностеръ?

Анастасія.

Якъ на примѣръ, минувшои недѣлѣ.

Тыньскій.

Правда, вспоминалисьмо васъ будучи у кеьендза шпеора. Зъ-ôткы знаете тое?

Анастасія.

Все було до насъ чути. — Опамятивалъ васъ сею силою голоса своего.

Тыньскій.

То человѣкъ простый, нетолерантный, темного фанатизма повенъ.

Анастасія.

Але поважный, — тра его ся боятн. (тутъ не ути що съ собою говорятъ).

Староста.

То мня дуже не покопть: бо коли человѣкъ тратитъ апетитъ, то вже знакъ певный, що му здоровя не прибуває; а якъ здоровя нема, то вже-жъ и житися не хоче. — А то бараня печеня? — но, вкусно зроблена. — — Хорошо — — (ѣсть смачно) Але що зъ того, коли ей ѣсти годѣ. (ѣсть)

Анастасія.

Не хочу, — не можу. —

Тыньскій.

А тожь чому?

Староста.

Ой, годѣ! бо не пріймає жолудокъ.

Анастасія.

Тому, що и вы: не хочете — не можете. —

Тыньскій.

А предцѣжъ невѣста всегда йде за мужемъ.

Анастасія.

Не конечно. — И власнѣ противно: мужчина невѣсту передомъ пускає, — того кречность вымагає.

Староста (наливаючи стаканъ меду).

А-то медокъ власного сыченя?

Тыньскій.

А, то що иного. — Въ томъ разъ невѣста йде за человѣкомъ. —

Анастасія.

Чи-жъ то конечно?

Тыньекій.

Конечно! —

Староста (покоштовавше).

Добрый! —

Анастасія.

Чи не може кожде при своимъ зôстати?

Староста (выпивши).

Славно, славно!

Тыньскій.

Не може, (становчо) въ высшихъ сословіяхъ не може. —

Анастасія.

Жаль ми дуже тыхъ высшихъ сословій. — Дякую Богу, що тамъ не належу.

Староста (наливая стаканъ меду).

А, славно, славно!

Тыньскій.

А прецъжъ будете до ныхъ належали. — Ваша красота и щастье тамъ васъ запровадятъ. —

Анастасія.

А що-жъ то за щастье, що тамъ провадитъ, где нема свободы для чувствъ найсвятѣйшихъ? —

Староста (подносъ стаканъ).

За здоровье панны Анастасіи!

Анастасія (кланяется, и наливае всѣ шклянки виномъ).

Я свободу люблю и не выречуся для высшихъ сословій.

Тыньскій.

Презящный вашъ розумъ не меньше плѣняе душу мою, якъ и тіи ясніи очи серце мое.

Анастасія.

Осторожно съ серцемъ, осторожно, щобы не заматалося въ сѣти, зъ которыхъ го и найбыстрѣйшій розумъ вывести неуспѣе. (поднесши шклянку съ виномъ) За дорогое здоровье пана старосты!

Всѣ (спѣваютъ).

Многая лѣта! многая лѣта! (выпиваютъ).

Староста.

Дякую красненько! — Настуня спѣвае, нѣбы соловей въ маю. (усѣдаютъ всѣ).

Лѣсовскій.

Прошу, вельможный пане старосто! извольте еще где-що. — На що масмъ, на то просимъ. Чѣмъ хата богата, тѣмъ своимъ гостенькамъ рада.

Староста.

Ей Богу! не могу — Ой такъ не могу. Утра-

тилъ емъ въ Бережанахъ со всѣмъ апетитъ. — Отъ коли обнявъ-емъ тое староство, голова трѣщитъ отъ премногихъ тросковъ. Ани ѣсти, ани пити, ани спати не даютъ ми. — Не такъ-то давно бывало — — — лихіи часы настали! —

II.

Анастасія (впадае въ бесѣду).

Ой, правда, лихіи часы настали. — (Староста понустивши собъ у паса, зложивъ руки на черево и дрѣмае.) Правда спитъ, кривда господьствуе, братъ брата гнобитъ немилосердно. — Нѣтъ обеспеки житя и маетку; татары землю пльондруютъ, палятъ села и мѣста, старцѣвъ убиваютъ, молодѣжь въ полонъ забераютъ. —

Староста (крѣзь сонъ).

Ой, татары, татары!

Анастасія.

Сестра сестру гонитъ въ власной ей хатѣ. Своволя меншости природныи права бо́льшости касуе. Нѣтъ свободы и волѣ чувствамъ найсвятѣйшимъ. Супокойныи и трудолюбивыи граждане, за-для ложныхъ доносовъ имѣній своихъ и чести лишаются. Всенародніи святости подептываются ногами людей негодныхъ. Крестъ святый безчестно цѣлуесь, торжественно заприсяженѣ уговоры недодерживаются. Лиха доля ужасно всю Русь придавила, давная (староста розбудился, смотритъ цѣкаво на Анастасію)

воля уничтожена, счезло всё счастье и гараздъ на Руси. (съ ентусіасмомъ) Князю нашъ Ярославе, Осьмомысле славный! За тебе имя русске было высокопочитане у другôвъ, а страшное для ворогôвъ нашихъ; — доля русска чудно процвитала счастя буйнымъ цвѣтомъ. Золотокованый престолъ твôй печалился о благосостоянiи народа и церкви. Вѣра православна, якъ ясное сонце середъ полудня народъ просвѣщала, и серця вѣрниковъ своихъ ко успѣванiю въ высокихъ честнотахъ христiяньскихъ загрѣвала. — Языкъ русскiй гомонѣлъ звучно въ княжескихъ палатахъ, въ которыхъ вразъ съ мудрымъ боярствомъ свѣтлй архiереи о славѣ отчины нашой промышляли.

Тыньскiй (перебиває).

Занадго превозносите блескъ давной самостоятельной Руси.

Староста (съ несмакомъ).

Тыхъ часôвъ варварства въ краю нашôмъ.

Анастасiя.

То ажь теперь часы варварства: сильнѣшiи слабшихъ безсовѣстно утискаютъ, церковь на церковь злобою воюе, темнота груба весь народъ вкрывае, нѣгде противъ кривдамъ защити, ни доброму справы, ни лихому кары. —

Тыньскiй.

Такъ было, то правда, но теперь вже буде ина-

кше. Якъ шлишалъ-емъ въ Варшавѣ, мае Польща, Литва и Русь становити одное нераздѣльное тѣло; для всѣхъ ровная свобода и ровное право! — Тогда зацвите отечество наше полнымъ счастьемъ и благобытомъ, коли осуществится загаданая велиславная унія.

Анастасія (подхватывая).

Унія!?... Або-жъ наши стремленія могутъ съйти ся когда-то въ одной цѣли? — Днѣстеръ и Висла сплынутъ коли-где въ одное русло?.. — Зъ тои стороны не надѣятися намъ жадного добра. — Польща, если насъ когда и гладила и мастила, то ино на тое, щобы могла насъ по тому тѣмъ лекше и смачнѣйше поглощати. — Но чей Богъ даств, що буде инакше, чей народъ русскій пережіе гнобителѣвъ своихъ, чей му повернеся давная его доля-воля.

Староста (даючи руку Анастасіи Тыньскому).

Вы, молодій люди, выйдетъ въ огородецъ и поговорѣтъ съ собою кречное слово, а мы лишимося самій и поговоримъ о важныхъ интересахъ нашихъ. (Тыньскій и Анастасія выходятъ).

II.

Староста.

Ото, честный отче Іоане! веденый дружествомъ моимъ, яко и высокимъ почитаніемъ ко вашой особѣ принялъ-емъ ся щиро за дѣло переведенія въ высокомъ трибуналѣ королевскомъ въ Варшавѣ вашой

менѣ порученой справы, и есмь днесь такъ щасливый, що могу вамъ со радостію возвѣстити, яко труды мои поблагословилъ Господь, и увѣнчалъ благожеланымъ успѣхомъ. — Пріймѣтъ сердечныи благожеланія мои по поводу радостного событія того, повертаючого вамъ такъ красніи мастности.

Лѣсовскій.

Дякую красненько за добріи жиченя. Най Господь нагородитъ щедрымъ благословеньствомъ своимъ вашіи по хрістіянцекой милости поднятіи усилія.

Староста (выпявши декретъ).

Ото декретъ, которымъ признаеся вседостойнѣйшой донцѣ вашой Анастасіи право дѣдництва до всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній по ей дѣду Андрею Щадницкимъ пôдъ условіемъ...

Лѣсовскій (жпво).

Пôдъ якимъ условіемъ?

Староста (махнувши рукою).

Етъ, багателя — рѣчь марна: щобы Настуня перейшла на лоно католицкои вѣры. (подае Лѣсовскому декретъ) Прошу.

Лѣсовскій (не пріймае декрета)

Доручѣтъ го ласкаво Настуни. — Но що-жь условіе тое? — Чижь намъ свобода вѣроисповѣданія нашего не забезпечена, найяснѣйшимъ паномъ не запоручена?! —

Староста.

Ернестъ опирался всѣми силами неумѣстному застереженію тому, но езуитъ перепудивъ безчестными клеветами своими на всѣхъ православныхъ, варшавскихъ сенаторôвъ въ такой мѣрѣ. що они, отуманенї, положили условіе тое. — Но що-жь-то? еи! то рѣчь марна.

Лѣсовскій (съ востхненьемъ).

Ой, езуитъ знае, що не марная! — (на сторонѣ) Гасю!

Староста (присунувши крѣсло блисше къ Лѣсовскому).

Теперь побесѣдуймо еще и о другомъ не менше важнôмъ дѣлѣ.

(Гася являеся) Лѣсовскій (до Гасѣ)

Пôйди въ огородецъ, проси Настуню до хаты.

Староста.

Ото вашая Настуня выросла гожа якъ красна тополя. Мой Ернестъ уподобалъ собѣ чорнїи очи Настунѣ; — для сн добра не мало труждался въ Варшавѣ. — Беру собъ за честь просити васъ для него о руку вседостойнѣйшои донѣ вашои.

Лѣсовскій.

Противу ласкавому предложенію вашему не маю нич сказати, хиба лишь тое одное, що моя Анастасія убога. не принесе жадного вѣна пану Ернестови.

Староста.

Прецѣ-якъ зôстала дѣдичкою трёхъ такъ знаменитыхъ волостей...

Лѣсовскій.

Еще не зôстала. — Гдежь декреть дѣдицтва?

Староста (сквапно).

А, о-то прошу.

Лѣсовскій (не хоче взяти декрета).

Не могу принятн. —

Староста.

Для чого? прошу, говорѣтъ ясньйше.

IV.

(Анастасія маюча вѣнецъ зъ цвѣтовъ на головѣ, и Ернестъ держа въ руцѣ рожъ китицу, входятъ).

Лѣсовскій.

Отъ, Анастасія, — имѣетъ возрастъ и разумъ да глаголетъ о собѣ. (до Анастасіи) Вельможный панъ староста привозитъ тобѣ декретъ королевского трибунала варшавского, которымъ признался тобѣ право дѣдицтва по твоимъ дѣду Андрею. (Староста подалъ декретъ Анастасіи).

Анастасія (держа декретъ, весело).

Справедливй высоки трибуналы нашй, да бла-

гословитъ имъ Господь, и сотворитъ найяснѣйшому королю нашему многая лѣта!

Лѣсовскій.

Положено въ немъ одно условіе...

Анастасія (неспокойна).

Якое?

Лѣсовскій.

Щобы-сь перейшла на вѣру католицку.

Анастасія (опустила декретъ на землю)

Николи, — николи!

Тыньскій (подае ей декретъ)

Анастасіо, благаю тя!

Анастасія.

О, нѣтъ!

Тыньскій (упалъ на колѣна)

Заклинаю тя на любовь нашу святую!

Анастасія.

Присягаламъ умираючой мамѣ, що невыречуся православія николи и для никого.

Тыньскій (на сторонѣ).

О проклятіи езуитскіи козни! (благально) Для твого Ернеста?!

Анастасія.

Аби для царя самого!

Староста (до Лѣсовского).

Отче! допомагайте намъ.

Лѣсовскій (до Анастасіи).

Благословю тя, дѣтино, за тое що хоронишъ твердо отцѣвскую вѣру. — Най благословитъ тя Господь отъ Сіона, най тобою славится вся Русь православна!

Староста.

Та чи-жь то розумъ?! (чути звоненье звоновъ и великій крикъ и зойкъ въ мѣстѣ).

Всѣ (съ ужасомъ).

А то що такое?!

V.

Сопило (впадае со страхомъ великимъ).

Татары, татары! — ръжутъ Подгородье! (за Сопиломъ тиснеся народъ плачущій до комнаты.)

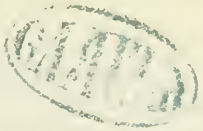
Всѣ (застрашенй въ великомъ руху).

Татары! татары!

(Староста и Тыньскій вынявши мечи уходятъ ко дверамъ).

(Заслона спадае).

Конецъ дѣйствія Иго.



ДѢЙСТВІЕ IV.

Театръ представляе степъ въ Криму. По правой сторонѣ сцены зъ переду стоятъ жорна, на серединѣ снопы проса на току, въ глубинѣ сцены видко обозъ татарскій, за нимъ въ дали чорное море.

I.

(Анастасія и Гася мелютъ въ жорнахъ, Лѣсовскій. Сопило и еще двохъ бранцевъ молотятъ просо).

Сопило.

Ото, небо́йся! якъ сказала, такъ ся и стало. — А, повыпадали ти зубы, щобъ ти бувъ вразъ съ ними и языкъ тво́й выпалъ. (глумится) „Ты Сопило не сопи, татарске просо молоти!“ (вдарився по поламъ) Тай молочу — просо молочу. — Но дивѣтся люди! зъ-о́тки нужда знала? Тфій, обмана!

Гаська.

А менѣ сказала, що буду въ татарскихъ жорнахъ молола; тай мелю. — Ну, страхъ!

Анастасія (заломила руки).

Ахъ, Господи змилуйся, змилуйся надъ нами!

Лѣсовскій.

Такъ дѣтоньки, уже мало бути, и такъ ся стало. Господь допустилъ кары на отчину нашу, — ôтдалъ ю въ руки дебелого и жестокого правительства, которе наущене безсовѣстными противниками нашои вѣры, лишило православный народъ всякои опѣки и защиты своеи и ôтдало го на паству народôвъ дикихъ, щобы тѣмъ скорше истребити тую мнимую бражую силу, що-то, якъ му нашептываютъ, ставить переноны возрости польскому орлу въ полную славу и силу. Но, за все да будетъ Господу хвала! — Претерпѣвый до конца той спасенъ будетъ.

Анастасія (жалостно).

О, вы злочестніи єзуитскій козни! вы то насъ погрузили въ тяжкое горе ужаснои нашои долѣ! — О, єзуиты! о, безсовѣстныи! вы причинною гôркихъ слёзъ моихъ, тай доброго, нѣбы святого ôтца моего. — Щожь мы вамъ винні!? — Господь васъ буде за тое судити! — (закрыла рукою очи).

Сопилко (до Анастасіи).

Не плачте панинцию! недокладайте жалю серцямъ нашимъ. — Ой, кривда! правда, що кривда велика. — Но, щожъ дѣлати?!... Вѣсть то самъ Господь, судебъ управитель. — (съ резигнаціею) Е, человѣкъ до всего навыкне, а кобы ми была тутъ моя Соколова, такъ бы ми здавалося, що нѣбы въ Рогатинѣ молочу.

Анастасія.

Та, доки-єьмы разомъ, ще пôлъ бѣды-лиха.

Лѣсовскій (востхнувши).

А якъ насъ розлучатъ?!

Анастасія.

О! борше згину, нйжъ дамъ ся розлучити съ вами, дорогій татуню!

Лѣсовскій.

Та, где тамъ дѣтино! що-жь зробишь, якъ поведутъ на торгъ? — Тебе спродадутъ до Стамбула, мене до Дамаска. — Отъ, гôрка наша доля, тай годѣ!

Анастасія (горестно)

Боже, Боже! змилуйся надъ нами! (по хвили) Але правда, що менѣ ся сей ночи снило. — Спитъ менѣ ся, що плыну на широкôмъ мори, и нигде до берега дôстатися не могу, береги самй дуже стромй и высокй. На найвысшôмъ березѣ стоитъ Ернестъ, и подае ми довгую жертку. Ловюсь радостно за жертку, но дивюсь по собѣ, я нага; тай далѣй на воду. Ернестъ кличе: потонешь, потонешь! Я плыну и необзираю-сь. Выходжу на берегъ дуже красно убрана, яки-сь замки-палаты. . . . — Ой! то щось не добре. Боже змилуйся!

II.

1. Татаръ (надъйшовъ скоро).

(до Лѣсовского) Чи-то ты Лѣсовскій? — то ты зъ Рогатына? — Алльо, махай за мновъ до обоза. Алльо, скоро, скоро!

Лѣсовскій (крôзъ слезы)

Ну, бувайте здоровй, дѣтоньки милй!

1. Татаръ (нетерпливо).

Алльо, борзо, борзо!

Анастасія (упавши передъ татаромъ на колѣна).

Если маешь що-трохи чувства человѣческого, нерозлучай мня отъ отца моего! (всѣ бранцѣ обнявши ноги Лѣсовского цѣлуютъ го и плачутъ въ голосъ).

1. Татаръ (милосердно).

Не плачте люде, не плачте! Онъ ся до васъ верне, онъ васъ всѣхъ заберс съ собою до дому. — Прійшовъ за васъ окупъ изъ русскои землѣ.

Лѣсовскій.

Боже! що чую?!

Сопило (радостно до татара).

Прійшовъ окупъ? га!

1. Татаръ (весело).

Прійшовъ, а-якъ-же!

Лѣсовскій.

О! яка-жъ то душа змиловалася надъ несчастьемъ нашимъ?!

Анастасія.

О, Боже! най ти буде честь и слава!
(Лѣсовскій съ татаромъ отходятъ).

III.

Сопило (кинувъ цѣномъ о землю).

(весело) То моя Соколова, помянула раба своего во чеетнôмъ вдовствѣ.

Гася (уемѣхаючися)

То Никольцьо, мôй дорогій. Никольцьо, затуживъ такъ дуже до своеи Гасѣ.

Анастасія (розважно).

То Ернестъ, добрый Ернестъ, приеылае окупъ за мене и отца моего. — Колимъ съ нимъ говорила о пророцтвахъ Прикотилихи, то онъ сказалъ ми. що знайшолъ бы способъ въ данэмъ разѣ освободити мня зъ неволѣ татарекой. (закрила си очи).

Гася.

Та чого плачете панпунцю!? таже не плачте, тъштеся; пôйдемо до дому до Рогатина.

Сопило (затирае долонѣ).

Пôйдемо, пôйдемо! — Ще заграе си Сопило въ

рогатиньски дзвоны, ще возгремитъ сладкопѣвецъ въ своей церквѣ въ честь святому Николаю: (спѣвае) Возбранный воево-о-о (обтерлъ собѣ рукавомъ слезы).

Анастасія.

Та ты, Гасю пôйдешь, може пôйде и Сопило,— але я и мôй татуньо — — вѣдай мы не пôйдемъ.— Трудно щобы Ернестъ порозрывалъ пута, которыми воля его связана, трудно, щобы превознесся надъ предразсужденія, которыми душа его упоена. — Ернестъ, Ернестъ! о, щобы ты выросълъ на мужа, о якъ же бы тя твоя Настуня любила. — — О! бо тôлько мужа душа моя любити може. — Тôлько мужъ свободенъ тѣломъ и душею, серце и душу мою пôдбити си може. —

IV.

(2. и 3. татаръ надходитъ)

2. Татаръ (тръснулъ зъ нагая).

А-ну до лавы! (ставляются въ рядъ на передъ Сопило, потому Гася, за нимъ Анастасія и два решта францêвъ).

3. Татаръ.

Разъ, два, три, четыры, пять.

2. Татаръ.

А где есть шестый?

Сопило.

Пôйшовъ съ мурзовъ до обозу.

3. Татаръ (приглядае ся Сопилови).

За сего возьмешь двайцять и четыры чекинôвъ.

Сопило.

Та на що насъ спродавати, за насъ прійшовъ окунъ, мы пôйдемо домôвъ.

3. Татаръ.

Якъ нынѣ пôйдете домôвъ, то не будете завтра на торзѣ въ Синопѣ. (оглядаючи Гасю) То яке-сь слабосильне — — озьмешъ за нію осемнайцять чекиновъ.

2. Татаръ.

Ей, таже мало! — —

3. Татаръ.

Кобы и тôлько було. — Нынѣ спалъ найлѣпшій товаръ на ий-нащо. — За доброго коня нема бôльше якъ десятъ чекинôвъ. (приглядаеся Анастасіи, съ удивленіемъ) Овъ! (весело). Та я и не знавъ, що я такого пташечка маю. (обходитъ ю докола и поцмокуе) Золотая пташина! — то брилянтъ. (ставши передъ нею, съ восторгомъ) Таже то маетокъ, то скарбы. Свѣтъ не видалъ еще красоты такой! (приставилъ си долонь по надъ очи) Блескъ си ока разитъ очи мои. Що то за ручка? (пôднялъ си руку въ гору) Якій то груды?! Що то за нôжки? (обертае ю въ около) Вся,

якъ уточена. (плеще въ долонѣ) Истина султанка, султанка! — (пôднесенымъ голосомъ) Десятъ тысящей чекиновъ, остатна цѣна! розумѣешь?! — Але на ню не буде купця въ Синопѣ. — Спустишся ажь до Стамбула, тамъ озьмешъ за ню пятнядцятъ тысящь, що бôльше заробишъ, то твое.

2. Татаръ (затирае руки).

Яко борода долга великого пророка, такъ долгій мѣшокъ чекиновъ заробю.

3. Татаръ.

За тыхъ двохъ возмешь по двайцять чекиновъ.

2. Татаръ.

А за того старого?

3. Татаръ.

Кто що дасть, — а можешь го кому и дати въ додатку. — (Татары отходятъ).

V.

Анастасія (взыраючи сумно въ высокую даль).

Ернестъ, Ернестъ! о, щобы ты вырôслъ на мужа. Спаслъ бысь мене и отца моего, — спасителемъ бымъ тя звала, и яко такого любила!

Гася (мѣркуе).

Щось нѣбы насъ спродавати хотятъ. — страхъ!

Сопило

(уложивши свои манатки увязуе тлумочокъ собѣ на плечи)

Ото небо́йся! якъ бы бувъ нынѣ не прійшовъ окупъ, бувъ бы сѣромаха Сопило згубився завтра на торзѣ синопскомъ, якъ бы капля горѣлки въ огромной величины куфѣ; — а тіи глаза не былибы николи узрѣли румяного личка прелюбезной моеи Соколовои.

VI.

(Лѣсовскій сумный съ Устницкимъ надходятъ).

Анастасія (до Лѣсовского).

Що отче! сумнй-сьте? — Нѣтъ намъ отряды? предчувствоваламъ гое.

Лѣсовскій (подае ей листъ).

Ото листъ о́тъ пана старосты. Читай его въ голосъ, може я зле го зрозумѣлъ.

Анастасія (читае).

Честный отче Іоанне! Веденый дружескимъ моимъ чувствомъ ко вашей особѣ, яко и неостанными наляганіями моего Ерпеста, упросилъ емъ преподобного отца Устницкого, щобы удался въ Крымъ, и отпитавши васъ съ донькою выкупилъ зъ неволѣ татарской и зпровадилъ назадъ до успокоеного отечества пашого. Въ той цѣли, розумѣеся на вашъ счётъ

вычисливъ емъ отцу Устиицкому тысящъ пятсотъ червоныхъ золотомъ, хотяй тіи три села, що Анастасія по прійнятію вѣры католической отъискати може, мало-що бôльше и варта. Надѣюся, що очивиста кара Божа, котра васъ за нерозумне упорство постигла, отямила Анастасію довольно, тай она волѣе уже въ свобôдномъ отечествѣ своимъ проживати, хотяйбы и на ловѣ латиньскои вѣры, нижели быти принужденою приняти магометанисмъ въ гаремѣ якого дикого ордальця. — Ожидиваю васъ съ нетерпеливостію на моимъ замку. — (Сопило скенулъ зъ плечей тлумокъ и принялся за цѣпъ. — Анастасія глубоко задумалася).

Лѣсовскій (до Анастасіи).

И щожь думаешъ, Настуню?!

Анастасія (по хвили, весело).

Думаю вертати до дому.

Устиицкій (радостно).

Gloria in excelsis Deo!

Сопило (съ удивленіемъ до Анастасіи.)

Вертати до дому?!

Гася (цѣлюе Анастасіи руки).

А-якъ же вертати до дому, до Рогатина! — За вами тамъ, панпунцю, усе мѣсто плаче.

Лѣсовскій (съ намысломъ).

А потому?

Анастасія.

Потому пôйдемо до найяснѣйшого пана и короля нашого.

Устиицкій (на сторонѣ).

Унелъ емъ изъ семого неба! (дуже засмученый слухае дальшои рѣчи Анастасіи съ увагою).

Анастасія.

упадемъ му до нôгъ, и будемъ такъ долго благати, ажь усуне милостиво злосчасне условіе. Тогда отдамо съ вдячностію гроши нашому добродѣеви-некупителю.

Устиицкій.

О, на таку справу, я и шелюга недамъ. Треба о тôмъ знати, що тіи червôнци (ударилея по череси) належатъ до пана Ернеста. — Онъ ихъ не мае, тôлько на выкупъ будущои жены своеи; — а съ православиовъ онъ ся женити не може и не хоче. — На тое му ни честь, ни сумлѣнье не позваляе.

Анастасія.

Тай менѣ честь и сумлѣнье непозваляе покидати для Ернеста вѣры моеи.

Устиицкій (грозьно).

А то славнои родины Тыньскихъ грубое поруганіе, дерзкое уближеніе святои единоспасительнои вѣрѣ католицкои!

Анастасія (спокóйно).

Успокойтеся отче! не уближаю никому, а щобы-найминьй католицкой вѣръ.

Устиицкій (строго).

Якъ-то ни?!

Анастасія.

Чи-жъ то значитъ уближати кому, если кто рôдной матери своси для чужой матери не покидае?— Ой! не мае тая мати доброго серця, що учитъ чужіи дѣти погорджати своєвъ родновъ мамовъ.

Устиицкій (глумится).

А, философка! — философка! — (рѣшительно) Хочешь перейти на латиньскую вѣру?

Анастасія.

Нѣтъ, не хочу!

Устиицкій.

То будьте здоровй! (отходитъ скоро въ десную сторону сцены).

Анастасія (спокойно).

Исхай Богъ провадитъ!

Сопило.

Съ Богомъ, съ Богомъ!

Устиицкій (задержусси, до себе)

Ернестъ загрозилъ ми поєдинкомъ, если повернусь безъ нея. — Посъче на кусни! — — То круто!

Гася (до Устницкого).

Вернѣтся, вернѣтъ сгомость!

Устницкій (вертаесь, лагôдно до Анастасіи).

Алежъ дѣтино! май розумъ. Дай ся упросити другамъ твоимъ.

Анастасія (рѣшительно).

Нѣтъ, не могу!

Устницкій.

Бо присягалась матери твоей? То ничъ, церковь католицка разрѣшае тя отъ безсмысленной присяги.

Анастасія.

Але сумлѣнье вяже и вяже. — Тай внутренное переконанье недозваляе.

Устницкій (до Лѣсовского).

Чого мовчишъ, якъ бы мумія якая, чи жъ тобѣ счастье доньки твоей не лежитъ на серцю?

Лѣсовскій.

Не знаю бôльшого счастя на земли для человѣка якъ внутренное заспокоеніе, що дѣлае такъ, якъ му его честь и сумлѣнье каже.

Устницкій (до Анастасіи).

Ернестъ тебе любитъ.

Анастасія.

Нѣтъ, не любитъ.

Устинцкій.

Любитъ тя щиро, сердечно.

Анастасія.

Онъ не розумѣе, що значитъ любити.

Устинцкій.

Плаче по цѣлыхъ дняхъ и ночахъ за тобою.

Анастасія.

Най плаче надъ ничтожествомъ своимъ.

Устинцкій.

Онъ счиро желае съ тобовъ оженитись.

Анастасія.

За-вчасно, за-вчасно: — онъ еще не вырбелъ зъ пеленокъ дѣтинныхъ.

Устинцкій.

Съ нимъ проживалабысь въ великихъ роскошахъ и чести.

Анастасія.

Ни для мня роскошей при боцъ такового карла, ни чести свѣнчатись съ подлымъ невольникомъ темныхъ предразсужденій.

Устинцкій.

Равнорóвное упорство женетъ насъ обопхъ въ погибель. (уступая) Не вдѣшъ съ нею нычого.—(съ резигнацією) Га, най я загибаю! — (сильно) Нехай весь свѣтъ пропадае! (добитно) А, най жіе засада!.. (уходитъ скоро. Анастасія надеъ въ объятія Лѣсовского).

(Заслона спадае).

Конецъ дѣйствія IVго.

ДѢЙСТВІЕ V.

Театръ представляе компаты въ сераю султаньскомъ въ Стамбулѣ.

I.

(Компата свѣтла дорогими драперіями суто убрана. За дверми спѣвають и пригривають евнухи мельодійніи пѣсни, въ окнахъ перлятся штучній водотриски меже найкрасшими цвѣтами, въ золотыхъ вазахъ курятся благовонныи кадила).

Анастасія

(къ ризахъ бриллантами густо обсыпанихъ, клячучи передъ образомъ Пречистои Дѣвы, молится въ слезахъ. По хвили подпесшися, и сховавши образъ за горсъ мовитъ до себе).

Днесь святого Теодосія, рôчница смерти мамы моеи. Господи! пріймы ю до царства своего. (подпесенымъ голосомъ) Галифъ!

Евнухъ (являеся, ударивши глубокій поклонъ, ждетъ при дверехъ зложивши руки на груди)

Анастасія (подаючи мѣшокъ грошей).

Тіи гроши роздѣлишъ меже пятьсотъ убогихъ безъ розличія ихъ вѣроисповѣданія. (Евнухъ, принявъ мѣшокъ и поклонився, отходитъ).

Анастасія (станувши на передъ сцены).

Солиманъ! Солиманъ! (Солиманъ вийшовши крытыми дверми, ставъ по правôмъ боцѣ въ глубинѣ сцены недостережений) Милый, найдоросшій мôй Солимане! мужественный, мудрый, прекрасный.

Солиманъ (до себе).

Що-за роскошь смотрѣти на той воплощеный, найвышшои красоты духа и тѣла идеалъ!

Анастасія.

Мужь, въ цѣломъ слова того значеню, свободный душею и тѣломъ. Тебе душа моя любити може, любить и любити муситъ. О, мати! присягаламъ тобѣ що невыречуся православной вѣры нйколи и для никого, навѣть и для царя самого. — А для Солимана? Солиманъ не царъ, онъ высшій отъ всѣхъ царей, онъ великій султанъ, владѣтель двохъ свѣтовъ. — А для Солимана? для султана? — О, нѣтъ! и для самого Солимана навѣтъ.... (отвернувши ся задъ лице, спостерегла Солимана, опустила руки и очи ставши якъ врыта).

Солиманъ.

Роксоляно, найкраеша оздоба семого неба! — Сли хочешь, море замѣню въ сребряну струю, создамъ ти мôстъ рубиновый въ около свѣта, збудую сто золотыхъ и сто сребрныхъ палатъ, въ которыхъ нôчь и день лучи сонця свѣтити будутъ, лише покинь, красна лиліе! твои думки, и глянь всемогущимъ

окомъ твоимъ на владѣтеля востока и запада, — най учую хоть одно миленьке слово изъ твоихъ устъ коралевыхъ.

Анастасія (не подняла очей своихъ)

Солимане, славо всѣхъ султановъ! якъ-жежь я смѣю пóднести до тебе мои очи. якъ промовити до тебе, коли ты владѣтель двохъ свѣтовъ, а я несчасна твоя невóльница.

Солиманъ.

Ты свободна лиліе пророка! ты владѣтелька владѣтеля полосвѣта.

Анастасія (кланяеся нисько).

Слава тобѣ, великій Солимане! твое великодушіе тронуло всѣ струны серця моего, но я лишь одное маю до тебе прошенье, пусти мене на волю, на Русь возлюблену.

Солиманъ.

Я всю Русь, и Польщу и Литву, я весь свѣтъ у стóпъ твоихъ зложу: чого жь бóльше желаешь, бисери жизни моей?

Анастасія.

Не хочу, не хочу, щобъ великій Солиманъ проливалъ для мене кровь христіяньску.

Солиманъ.

Ясная звѣздо Аллага! по желанію твоєму писалъ емъ до короля Жегимонта взываючи его, щобы

обезпечилъ крѣпко свободу православной вѣры въ краяхъ короны польской.

Анастасія (кланяеся).

Най збольютъ ся всѣ благословенъства великого русского народа на высокого, всемилостивѣйшого добродѣя свого, яко выслухавъ прошеніе негóдной служницѣ своеи.

Солиманъ.

Тай Изабели, царици угорской переказалъ-емъ шановати права тамошной церкви русской, и увóльнити священиство русске отъ всякихъ данинъ и податей.

Анастасія (кланяеся).

Благодарю сердечно, що выслухалъ-есь прошенія негóдной служницѣ твоеи.

Солиманъ.

Всѣхъ плѣнниковъ русскихъ казалъ-емъ пустити на волю, и съ многими дарами отправити въ рускую землю. Чуешь радостнй ихъ спѣвы? — (чути въ дали гомонъ пѣсни: „Пречистая Дѣво мати зъ рускаго краю, якъ на небъ такъ и на земли тя величаютъ.“ — Анастасія слухае пѣсни въ восторзѣ, усмѣхаеся украсивши око слезою).

Солиманъ.

Сказки, пресвѣтлая перло въ вѣнци Магомета!: Люблю тя Солиманъ!

Анастасія (съ восторгомъ).

Родимцѣ мои вернувши на Русь будутъ вдячно величати имя Солимана, блескъ славы твоея достигне найвышихъ зенитовъ, приложитъ ся бо великому имени твоему найчестнѣйшое ôтъ всѣхъ нареканій: „освободитель!“

Солиманъ.

Казалъ-емъ въ Дамаску отпытати и на волю выкупити отца твоего, которого днесь еще повитаешь. — Скажи, яена зоре! люблю тя мой Солимане!

Анастасія

(пускаеся съ розпростертыми раменами въ обятія Солимана, но когда онъ ю хоче уняти, она упадае до пôгъ его).

Изволь всемилостивѣйшій мôй добредѣю уцѣловати вдячно стопы твои, и уросити ихъ слезами радости, яко услишалъ-есь моленій негôдной служницѣ твоей. —

Солиманъ (торжественно).

Розмыслилъ всесторонно, поучилъ-емъ ся высоко оцѣняти тое искренное, отъ пренязящного розума и найблагороднѣйшихъ честнотъ украшаючихъ душу твою конечно пронзтекаемое преданіе ко православію, тому сонзваляю тобѣ позбетати при святой твоей праотцевской вѣрѣ, и казалъ-емъ для тебе устрoити молитвенницу хрстіяньску. — Ска . . .

Анастасія (кидается въ обятія Солимана).

Люблю тя, люблю, цѣлымъ серцемъ моимъ. — люблю тя мой Солимане! люблю тя! ты ясный свѣтъ души моея. люблю тя, ты роскошный раю серця моего! — (Солиманъ цѣлуе Анастасію въ чоло).

Солиманъ (плеснулъ 3 разы въ долони).

Пріймн, наймилѣйшая моя, благодаренія мои, яко упонлась серце мое радощами невыказаныхъ роскошей. (Евнухъ является, и упавши на лице ждетъ во смиреніи).

Солиманъ (до Евнуха).

Проси сюда великого везира. — (Евнухъ отходитъ. Анастасія станула закривши собъ очи хустиновъ).

Солиманъ.

Найдоскональша на земли нетото! Тебе всѣмъ серцемъ моимъ любити и отъ тебе взаимно люблѣнымъ быти то найсолодша роскошь серця моего, тебе надъ всѣ славы и тріумфи выеше почитати и отъ тебе взаимно почитанымъ быти, то горячѣйшое желаніе души моея; тебъ единой служити и отъ тебе услуженымъ быти, то найвышая щастливôсть житя моего. — Великій Солиманъ, всесильный владѣтель двохъ свѣтовъ стелится ничтожнымъ невольникомъ у нôгъ твоихъ, и цѣлое роскошно любовнїи узы, которыми го красота духа и тѣла твоего звязала. — Днесь окажу тобѣ, ясна зоре! якъ высоку цѣню собѣ любовь твою къ мнѣ, днесь положу у нôгъ твоихъ

огромное царство мое, отдамъ въ руки твои всѣ землѣ отъ Дуная ажь по-за Евфратъ и Тигрь, отъ пустынь африканьскихъ ажь по-за кримскій островъ. Днесь двайцять и пять народовъ великихъ вразъ съ побѣдителемъ своимъ поклонятся передъ ясным лицемъ твоимъ. — Здраствуй всеможна царице великого Солимана, здраствуй Роксоляно, велика султано! (великій везиръ являеся. Солиманъ до великого везира) Падн на лице передъ великою султаною твоею! — (Везиръ поклонился глубоко). Встань великій мой везире, и завозви весь двôръ мой султаньскій и всѣ народы мои, щобы днесь явилися въ троновой сали моєй поклонитися великой султанѣ своєй. — (Великій везиръ отходитъ).

Анастасія (паде въ рамена Солимана).

За много ласки, за много ласки, для мия, негôдной служницъ твоєй!

(Заслона спадае).

(Измѣняются кортины).

11.

Театръ представляе салю тронову: въ глубинѣ которой взносится престолъ султаньскій. При звукахъ импозантной оркестры производится походъ представителей народовъ турецкого царства со знаменами своими, которй уставляются по лѣвомъ боцѣ салѣ, за ними ступаютъ высокія достойники правительственнїи и члены дивана, которй уставляются по правой сторонѣ салѣ. За тыми поступае великій везиръ, передъ которымъ несетъ малый турчинъ мечъ

на золотомъ блюдѣ лежащій; походъ заключае Анастасія, котора мае на широкой синой стяжцѣ шелковой золотый трираменный крестъ завѣшеный у шіи.

(Солиманъ съ Анастасіею).

Солиманъ (усѣвши на тронѣ)

Завтрѣшнёго дня со всходящимъ сонцемъ двигнуся на челѣ непобѣдимыхъ полковъ моихъ въ походъ на Персію, щобы знищити клятвоприступный престолъ Багдацкій и приложити одну перлу бо̀льше до мірославного вѣнца моего. Теперь (ступае изъ престола и бере Анастасію за руку) возводжу сію невѣсту, той воплощеный идеалъ розума и цноты, на престолъ мой султаньскій, и приказую всему царству мому послушати ей отъ сей хвилѣ ажь до поворота мо̀го, якобы мене самого. (Садитъ Анастасію на престолѣ, закладае ей на палецъ свой перстень, припоясалъ ю мечемъ, и далъ ей до рукъ жезлъ, и кличе воздвиженымъ голосомъ). Падѣтъ на лице передъ великою султаною вашею!

Всѣ (кланяются глубоко).

Слава! слава!

Анастасія.

Обо̀ймаючи владѣніе надъ неизмѣримымъ царствомъ великого и непобѣдимого Солимана, обнимаю любовію все человѣчество, и возвѣщаю миръ всѣмъ народамъ свѣта. Любовь и правда! то моя пароля.

Всѣ.

Слава! слава!

Анастасія (до Солимана).

Сѣдай великій Солиманє, славо всѣхъ султановъ. по-бо̀чь мене на моимъ престолѣ.

Солиманъ.

За много ласки, за много! (усѣдае по лѣвой руцѣ Анастасіи).

Анастасія.

Всѣхъ сановниковъ дотеперѣшныхъ въ ихъ достоинъствахъ на-даль затверджаю. Свободу вѣроисповѣданія магометаньского, христіяньского и єврейского во всѣхъ земляхъ моихъ обеспечаю. Всѣхъ за долги увязеныхъ на волю выпустити и долги ихъ изъ собственной казни моей заспокоити повелѣваю. Всѣмъ за всякіи провиненія осужденымъ половину кары отпускаю.

Всѣ.

Слава! слава!

Анастасія.

За провины политичнѝ никто смертевъ каранымъ не буде, — умретъ только розмыслный убѣйца, а тѣлесно накажутся только дѣти непануючѝ родичѐвъ своихъ, и самовольно калѣчащій ближнѐго своего.— Всѣ прочіи законы державнѝ въ всецѣлой силѣ позо̀ставляю, и точное наблюданіе тыхъ-же строго приказую.

Всѣ.

Слава! слава!

Анастасія (до великого везира).

Великій мой везире! Чи суть якіи послове иностранныхъ державъ на дворѣ моимъ?

Великій везиръ.

Есть найяснѣйша велика султано! посолъ отъ польского короля Жегимонта, и отъ угорской царици Изабелѣ.

Анастасія.

Нехай приступятъ. — (великій везиръ отходитъ) Господь, воздвизая рамя великого Магомета далъ му посланництво до балванохвалцевъ, щобы привести ихъ до познанія єдиного Бога. Въ Азіи и Африцѣ щастье и слава для магометаньского меча, но не такъ въ Европѣ христіяньской. Наказую всѣхъ наслѣдниковъ моихъ на семъ пристолѣ, щобы съ христіяньскими державами въ миръ и дружествѣ жили. Если не услухаютъ завѣщанія сего, то сокрушится сила и слава меча великого пророка въ борбѣ со христіяньствомъ и помнется тогда съ жалемъ слово сіе великои султаны. —

III.

(Являеся великій везиръ съ Опалиньскимъ)

Хоръ пѣвцевъ.

Здраствуй, здраствуй Роксоляно!
Ясна Аллага звѣзда,

Владычице Солимана
Востока и запада!

Опалиньскій (поклонився ниско)

Слава вашего цѣсарского величества рознеслася по всемъ свѣтѣ; такожь и мой король Жегимонтъ учулъ громкій отгомонъ славного имени вашого, и выслалъ мене съ прошеніемъ, щобъ ей цѣсарское величество всемилостивѣйше благоволило склонитися ко заключенію вѣчного мира меже короною польскою и неизмѣримимъ цѣсарствомъ музульманьскимъ.

Анастасія.

Извѣстно намъ, же вашъ панъ король Жегимонтъ много ладу сдѣлалъ въ своихъ земляхъ, привернулъ православію давнѣйшіи права; слава и честь Жегимонту! Може быти певнымъ що велика султана не отмовитъ му прошенія его.

Опалиньскій

Всеможна владычице востока и запада! складаю ей въ имени мого пана и короля благодареніе, а ей имя буде у насъ почислене въ почетъ дочерей неувядаемои славы.

Анастасія.

Скажетъ Жегимонту, свому пану и королеви, що велика султана, бранка зъ Червонорусскои землѣ засылае му свое поздоровленье, и припоручае его великодущію свою отчину, а въ замѣнъ отдае му

пріязнь великого Солимана. — Слава и честь Жегимонту! (Опалинъскій поклонившися до землѣ, отходитъ).

IV.

(Входитъ Тыньскій, узрѣвши Анастасію забувъ языка въ губѣ).

Хоръ пѣвцевъ.

Слава! тебѣ предъизбранной
Перлѣ султаньскихъ вѣнцѣвъ;
Слава! всѣмъ сердцемъ приданой
Святой вѣръ праотцѣвъ.

Анастасія (до Тыньского).

Ваше имя Ернестъ Тыньскій! (Тыньскій мовчитъ) Присылае васъ Изабеля, вдова по Заполіи. Чого-жь желае отъ насъ королева угорска? — (Тыньскій не могучи устъ отворити подае ей листъ, ударивши глубокій поклонъ передъ нею).

Анастасія (прочитавши листъ).

Ей слезы тронули серце наше. Изабеля може спуститися на ласкавость нашу. Пріймаемъ ю и ей сына въ опѣку нашу. — Ернестъ Тыньскій, нашь давный знаемый, возвѣститъ ей тое.

V.

(Входитъ Лѣсовскій и Сопило).

Хоръ пѣвцѣвъ.

Слава твоя о султано!
Вѣкъ-вѣками возгремитъ;
Тверду волю Роксоляновъ
Къ постоянъству ободритъ.

(Анастасія узрѣвши Лѣсовского изходитъ скоро ко нему, и паде му въ объятія. Сопило пришалъ до нôгъ Анастасіи. — Но хвили радостныхъ повитаній Анастасія унявши Солимана за руку мовитъ до Лѣсовского).

Анастасія.

Великій Солиманъ, слава всѣхъ султановъ, владѣтель двохъ свѣтовъ, приймаючи мня за законну жену свою, сонзволяе ми позбстати при святой вѣрѣ православной. —

Лѣсовскій.

Неисповѣдимыи суть совѣты Божіи! (воздвигъ руки) Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона! — (до публики) Тако нагороджае Богъ искренную преданнбсть ко отцѣвскои вѣрѣ.

Хоръ пѣвцѣвъ.

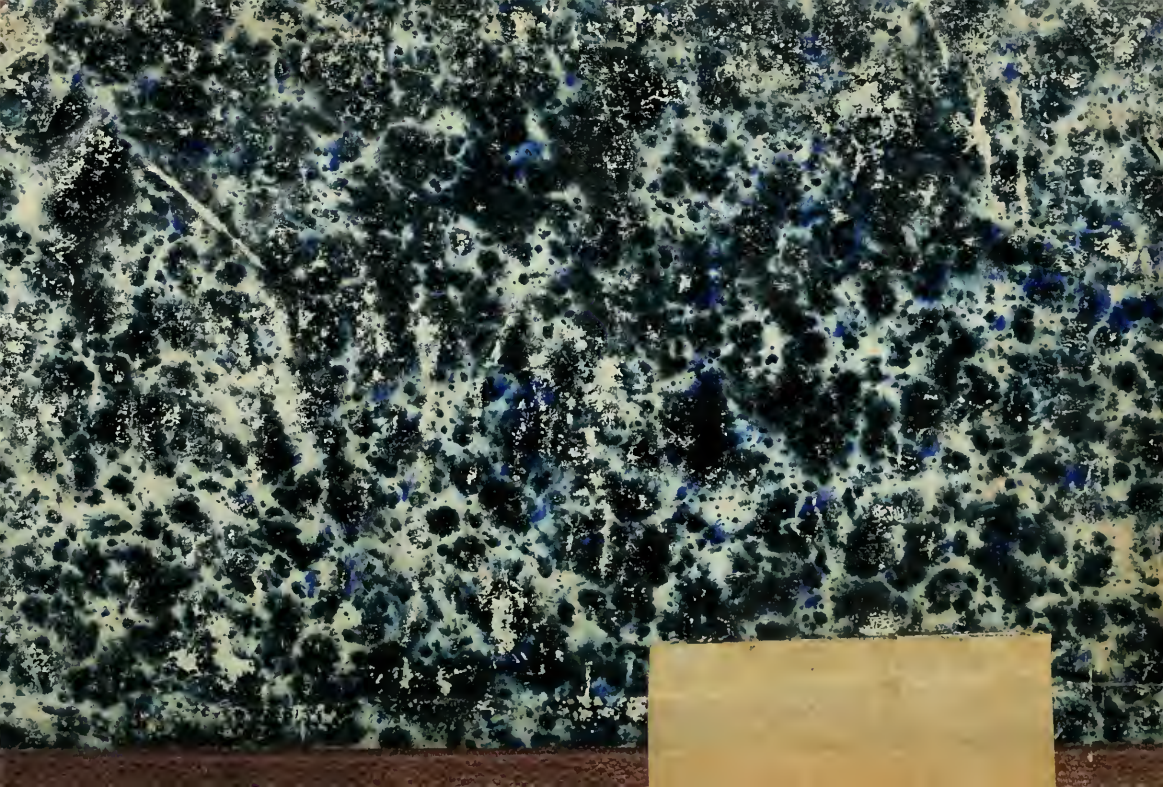
Здраствуй, здраствуй Роксоляно!
Ясна Аллага звѣзда,

Владычице Солимана,
Востока и запада!

(Занавѣсъ спадаетъ).

Конецъ дѣйствія Ухо.

ОШИБКИ.

Сторона	строчка	вѣсто	читай
22	22	титула	титла.
22	22	часть помянутои	часто помянутыи.
24	7	ругаючи	ругуючи.

SZWEDE SLAVIC BOOKS
PALO ALTO, CA 94302
$20.00
ant88